

Присядешь на нагретый камень и перед одним тоннелем, и перед другим, попытаешься в полудрёме представить, что это были за люди, оставившие нам это благолепие, и не можешь представить, кажется, что так было всегда, со времён сотворения мира, что благолепие это есть не что иное, как боголепие. Оглянешься на Байкал, воркующий внизу: да ведь и ему теперь не представить, как быть ему без Кругобайкалки, без прекрасной и по-вдовьи тихой своей дочери, которую он не сразу признал, не сразу принял от людей и без которой теперь не чаёт своей судьбы.

1957

В. Г. Распутин

Воистину велик Сибирский путь.
Железная дорога – чудо века –
Чтоб города российские сомкнуть,
Построена героически человеком.

Огромная великая страна
Вся, от Москвы до Дальнего Востока,
Навеки прочно сталью скреплена.
И мчатся поездов по ней потоки.

В копейку встал, и очень был не прост,
Потребовал терпенья и смекалки,
Участок только восемьдесят вёрст –
Известная стране Кругобайкалка.

Уже по рельсам русских городов
Гудя, бежали поезда проворно.
Был транссибирский путь почти готов.
И лишь Байкалом был ещё разорван.

Байкал непокорим. Байкал – бунтарь.
И просто так к нему не подступиться.
То здесь жара. То ледяная хмарь.
То солнцепёк. То иней на ресницах.

Но люди шли сюда, презрев уют,
И помнили, начав работу смело:
Глаза бояться – руки создают;
Коль взялся, значит, надо кончить дело.

Здесь гнули спину – часто за гроши –
И мирные крестьяне, и повстанцы.
Работали поляки, латыши,
Эстонцы, итальянцы и албанцы.

Когда деревья от холода дрожат,
Промозглый ветер лютым волком воет,
Трудились сотни хмурых каторжан
Под окном неусыпного конвоя.

И длится от темна и до темна
Суровою зимой и жарким летом
Препятствий монолитная стена,
Легко способна сжить людей со света.

И ждёт почти звериное житьё.
Дерут три шкуры с бедных мироеды
(Не дремлет вездесущее жульё!).
И далеко до доблестной победы.

Привык героически трудности встречать
Народ. Порой работал за «спасибо»,
Чтоб золотою пряжкой увенчать
Великий пояс славного Транссиба.

И люди стали прочны, как металл,
И силы обрели сверхчеловечьи.
И гору, как атланты, взяв на плечи,
Вгрызались в темноту байкальских скал.

И пусть черны, как ночи, были дни.
Пусть в гулких штольнях было душно, сыро.
Подземный ад превозмогли они,
Лишённые надолго красок мира.

Покуда шли сквозь горы напролом,
Составов в «чреве» перевёз немало
Гигантский мощный ледокол-паром,
Носящий имя славного Байкала.

Везли на этом дюжем корабле
Составы, грузы без конца и края.
Он был вторым по силе на земле,
Лишь «Ермаку» немного уступая.

Когда стояла зимняя пора,
Колол он льды упрямо, непокорно.
И ледокол-красавец «Ангара»
В делах нелёгких помогал упорно.

Но толще метра лёд не расколоть.
А тут горят костры Русско-японской.
И со словами: «Помоги, Господь!»
Задумали прибегнуть к тяге конской.

В отчаянных великих головах
Возникла эта дерзкая идея –
В капризных и живых байкальских льдах
Путь проложить. За Родину радея,

Зимой лютой тысячи людей,
Когда паромы прекратили рейсы,
Готовили к работе лошадей,
На крепком льду укладывали рельсы.

И пусть железный конь живых коней
Теснил. Пусть он сильнее многократно.
Но лошади трудяги нет верней!
В долгу пред нею люди неоплатном.

И через весь неистовый Байкал,
На льду скользя, бредя понуро, шатко
И пробиваясь через ветра шквал,
Тянули неподъёмный груз лошадки.

И думали, тащась через Байкал:
Когда ж придёт замена иль подмога?
И дождались. Желанный день настал.
Положена Великая дорога!

Министр Хилков последний вбил костыль
У звонкого ручья у Киркирея,
Где камни разбивают волны в пыль,
Где в поднебесье гордо коршун реет.

И пусть Байкал неласков был, свинцов,
Соединили Азию с Европой
Труды каменотёсов, кузнецов,
Мудрейших инженеров, землекопов.

Лопата, лом, зубило и кирка –
Помощники их. С ними терпеливо
Построили дорогу на века.
Построили дорогу всем на диво.

Кто на крутых промозглых берегах
Навек лишился силы и здоровья.
Кто крепко спит с берёзками в ногах,
С байкальской синевою у изголовья...

Людей в страну невиданных красот
Легко помчали с рёвом паровозы,
И с удивленьем с облачных высот
Смотрели вслед им сосны и берёзы.

В Гражданскую вовсю здесь шли бои,
Была дорога воинским плацдармом.
Не разобрать, кто враг тут. Кто свои.
Сибирь вся – поле боя и казарма.

И золотой здесь ждали эшелон.
И не было тогда важнее цели
(Чтоб вывезти не смог богатства он) –
Мосты взорвать и длинные тоннели.

В Гражданскую и ледокол «Байкал»
Был облачён в военные доспехи.
И флагманом флотилии он стал.
Его зажгли снарядом белочехи.

У станции байкальской – Мысовой
Он бился храбро, красных защищая.
Смертельно ранен, не окончил бой.
Горел он, и прощаясь, и прощая.

Погиб герой. Окончены дела.
Он прожил мало. Но отдал все силы.
И жизнь такая яркая была, –
На миллион других её б хватило...

После Гражданской двадцать трудных лет
Кругобайкалка нужной оставалась.
Как важный стратегический объект
НКВД надёжно охранялась.

Но выросла среди вод плотина ГЭС,
Земель ангарских затопив немало.
Пропал к Кругобайкалке интерес.
Ушёл Транссиб подалее от Байкала.

1958

И отзвучали громкие свистки.
Не будит эхо гордые вершины.
Остались доживать лишь старики
На станциях, что прячутся в долинах.

Кругобайкалка стала тупиком.
И вечером глухим, и утром ранним
Окрестность огласит живым гудком
Один лишь поезд, прозванный «мотаней».

И жители в тоннелях от дождя
Держали долго скошенное сено.
И путник, по дороге проходя,
Считал, что он один во всей Вселенной.

Такая глушь! Такая красота!
Зовут сюда людей, чаруют взгляды
Укромные, забытые места –
Любой души заветная отрада.

И отовсюду поспешил турист
Байкальской красотой насладиться.
Взглянуть, как у воды желтеет лист
И как поют непуганые птицы.

Вернулся на дорогу паровоз
И потянул вдоль берега вагоны
В манящий дивный мир мечты и грёз,
Байкальский мир, великий и студёный.

Пленительна земли таёжной власть.
И не забыть с ней краткое свиданье.
Кругобайкалка – это тоже часть
Природы, её лучшее созданье.

И поезд едет чутко, не спеша,
Даёт возможность встретиться с природой.
Кругобайкалка дивно хороша!
Она влечёт в любое время года.

Она прекрасна раннею зимой,
Когда вода взлетает к небу паром.
Рассветный пар красою неземной
Пылает и кипит зари пожаром.

А после, прочно скован, до весны
Байкал тревожно спит во льдах торосных.
В высоких шапках дремлют валуны.
Все в белых иглах, почивают сосны.

Уже живит берёзы вешний сок
И позади сибирские метели,
Багульник зажигает склон, лесок,
Но в зимней спит Байкал ещё постели.

И вдруг проснётся он и зазвенит,
Хрусталь стозвонно в крошево лоямая.
И солнышко, вошедшее в зенит,
Растопит нежно лёд лучами мая.

Проснётся море – и пойдут цветы.
Земля наденет пёстрые наряды.
В краю весны, вдали от суеты,
Понятно: удивительное – рядом.

Оно: густая юная трава,
И ландышей таинственная нежность,
Небесных незабудок синева,
Белянок ослепительная снежность.

Цветы везде – куда ни бросишь взгляд.
Встречают пассажиров ими горы.
И вдохновенно здесь жарки горят
И светят поездкам, как семафоры!

А в сентябре, а в ярком сентябре,
Когда леса одеты в шубки лисьи,
В рубинах, позолоте, серебре
Вода, поляны, небеса и листья.

И от окна никак не отойдёшь.
И мысли так легки и так приятны!
И кажется, в блаженном сне плывёшь
По осени, сибирской, благодатной.

В одно мгновенье вдруг тоннельный мрак
Погасит пламенеющую осень.
Но ненадолго. Не заметишь, как
Ворвётся солнце через неба просинь.

Здесь чудеса кругом на сотню миль.
И к ним везёт людей нескорый поезд.
Кругобайкалка – хроникальный фильм.
Кругобайкалка – вековая повесть.

пос. Байкал Иркутской области

